

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.17805/trudy.2015.5.8

**СЕМАНТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РАССКАЗЕ
А. П. ЧЕХОВА «ПОПРЫГУНЬЯ»**

М. Б. Ясинская

(Московский гуманитарный университет)

Аннотация: В статье анализируются способы выражения семантики неопределённости в тексте рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья»; определяется интенциональная направленность текста и восприятие его реципиентом.

Ключевые слова: А. П. Чехов; «Попрыгунья»; семантика; категория русского языка; русский язык; категория неопределенности; языковая картина мира

**THE SEMANTICS OF UNCERTAINTY IN A.P. CHEKHOV'S
THE GRASSHOPPER**

M.B. Yasinskaya

(Moscow University for the Humanities)

Abstract: The article examines the means of expressing the semantics of uncertainty in A. P. Chekhov's short story *The Grasshopper*, with a special focus on the intentional aspect of the text and its perception by the recipient.

Keywords: A.P. Chekhov; *The Grasshopper*; semantics; category of Russian language; Russian language; category of uncertainty; linguistic world image

Семантическая категория определенности/неопределенности является одной из важнейших категорий русского языка; категория неопределенности считается семантической доминантой русской языковой картины мира (Арутюнова, 1995; Падучева, 1995; Колесов, 1999 и др.).

Под понятийной категорией определенности/неопределенности мы понимаем одну из категорий высказывания, функция которой, «ее — актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» (Николаева, 1990: 376).

Семантика неопределенности наиболее явно репрезентирована

неопределенными местоимениями (далее — НМ). НМ исследованы с позиций описательной грамматики¹, семантико-синтаксических особенностей², когнитивистики³, как категории неопределенности⁴, функции в художественном тексте⁵.

Представляется интересным проанализировать семантический потенциал категории определенности/неопределенности в художественном тексте рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья» (1892), выявить имплицитное коммуникативно-прагматическое намерение автора, моделирующее, на наш взгляд, референцию неопределенности в сознании реципиента.

Материалом для анализа послужили неопределенные местоимения-существительные и местоимения-прилагательные (в тексте насчитывается свыше 50-ти употреблений) с аффиксами -то, -нибудь, не- и другие части речи, выполняющие дейктическую функцию в тексте рассказа.

Функция НМ в чеховском тексте не исчерпывается лишь обозначением неопределенности; НМ выполняют функцию организации художественного пространства текста, также являются средствами выражения и обозначения семантики неопределенности, что, в свою очередь, подразумевает у коммуникантов того или иного базиса понимания, помогающего декодировать коммуникативно-прагматические интенции автора.

В тексте можно выделить четыре семантических микрополя неопределенности: **неизвестность, неясность, неполнота, неуверенность**, организованных при помощи НМ, условно относящихся к планам выражения.

1. Семантическое микрополе неизвестности представлена следующими НМ- актуализаторами:

«Среди этой артистической, свободной и избалованной судьбою компании, правда, деликатной и скромной, но вспоминавшей о существовании *каких-то* докторов только во время болезни и для которой имя *Дымов* звучало так же различно, как *Сидоров* или *Тарасов*, — среди этой компании *Дымов* казался чужим, лишним и маленьким, хотя был высок ростом и широк в плечах» (Чехов, 1977: 8); «Ежедневно, вставши с постели часов в одиннадцать, *Ольга Ивановна* играла на рояли или же, если было солнце, писала *что-нибудь* масляными красками» (там же: 9); «На даче, очень неприглядной на вид, с низкими потолками, оклеенными писчею бумагой, и с неровными щелистыми полами, было только три комнаты. В одной стояла кровать, в другой на стульях и окнах валялись холсты, кисти, засаленная бумага и мужские пальто и шляпы, а в третьей *Дымов* застал трех *каких-то* незнакомых мужчин» (там же: 13); «Бирюзовый цвет воды, какого она раньше никогда не видала, небо, берега, черные тени и *безотчетная* (какая-то. — М. Я.) радость, наполнявшая ее душу, говорили ей, что из нее выйдет *великая художница* (какая-то. — М. Я.) и что *где-то* там за далью, за лунной ночью (где-то. — М. Я.), в бесконечном простран-

стве (где-то. — М. Я.) ожидают ее успех, слава, любовь народа...» (там же: 15); «Ольга Ивановна сидела за перегородкой на кровати и, перебирая пальцами свои прекрасные льняные волосы, воображала себя то в гостиной, то в спальне, то в кабинете мужа; воображение уносило ее в театр, к портнихе и к знаменитым друзьям. *Что-то* они поделывают теперь?» (там же: 17); «Она уже не помнила ни лунного вечера на Волге, ни объяснений в любви, ни поэтической жизни в избе, а помнила только, что она из пустой прихоти, из баловства, вся, с руками и с ногами, вымазалась во *что-то* грязное, липкое, от чего никогда уж не отмоешься...» (там же: 28); «Молчаливое, безропотное, непонятное *существо*, обезличенное своею кротостью, бесхарактерное, слабое от излишней доброты, глухо страдало *где-то* там у себя на диване и не жаловалось» (там же: 28); «Nature morte, порт... — думала она, опять впадая в забытие, — спорт... курорт... А как Шрек? Шрек, грек, врек... крек. А *где-то* теперь мои друзья? Знают ли они, что у нас горе? Господи, спаси... избави. Шрек, грек...» (там же: 29) и др.

НМ семантического микрополя **неизвестности** обладают семантикой «абсолютной пространственной неопределенности» (ядро семантического микрополя неизвестности — «*где-то там*»), взаимодействующей с категорией субъективной модальности. С помощью НМ подчеркивается неспособность/нежелание/невозможность персонажей самоидентифицироваться и идентифицировать реальность, необходимость, возможность и т. п.;

2. Семантическое микрополе **неясности** эксплицирована НМ-актуализаторами:

«Ежедневно, вставши с постели часов в одиннадцать, Ольга Ивановна играла на рояли или же, если было солнце, писала *что-нибудь* масляными красками» (там же: 9); «Стоило кому-*нибудь* прославиться хоть немножко и заставить о себе говорить, как она уж знакомилась с *ним* (с кем-то. — М. Я.), в тот же день дружилась и приглашала к себе» (там же: 10); «Рядом с нею стоял Рябовский и говорил ей, что черные тени на воде — *не тени*, а сон (что-то. — М. Я.), что в виду этой колдовской воды с фантастическим блеском, в виду бездонного неба и грустных, задумчивых берегов, говорящих о суете нашей жизни и о существовании *чего-то* высшего, вечного, блаженного, хорошо бы забыться, умереть, стать воспоминанием (там же: 15); «Как вам не наскучит? Я бы на вашем месте бросил живопись и занялся серьезно музыкой или *чем-нибудь*» (там же: 25); «Но, напившись кофе, она соображала, что Рябовский отнял у нее мужа и что теперь она осталась без мужа и без Рябовского; потом она вспоминала разговоры своих знакомых о том, что Рябовский готовит к выставке *нечто* (что-то. — М. Я.) поразительное, *смесь пейзажа с жанром* (что-то. — М. Я.), во вкусе Поленова, отчего *все* (кто-то. — М. Я.), кто бывает в его мастерской, при-

ходят в восторг; но ведь это, думала она, он создал под ее влиянием и вообще, благодаря ее влиянию, он сильно изменился к лучшему» (там же: 22); «И вспоминала она также, что в последний раз он приходил к ней в *каком-то* сером сюртучке с искрами и в новом галстуке и спрашивал томно: «Я красив?» (там же: 22); «По-прежнему она каждый день возвращалась поздно ночью, но Дымов уже не спал, как в прошлом году, а сидел у себя в кабинете и *что-то* работал» (там же: 24) и др.

Коммуникативный потенциал персонажей выражает отношение «внутреннего видения» и «внешнего», существующего в субъективной модальности семантики неясности, размытости, нечеткости, зыбкости (ядро семантического микрополя «*что-то/кто-то*»), не позволяющей объективно оценить субъектно-объектную референцию к действительности;

3. Семантическое микрополе **неполноты** актуализирована НМ:

«А между тем Ольга Ивановна и ее друзья и добрые знакомые были не совсем обыкновенные люди. Каждый из них был *чем-нибудь* замечателен и *немножко* (сколько-то. — М. Я.) известен, имел уже имя и считался знаменитостью, или же хотя и не был еще знаменит, но зато подавал блестящие надежды» (там же: 7); «Почти каждый день к ней приходил Рябовский, чтобы посмотреть, какие она сделала успехи по живописи. Когда она показывала ему свою живопись, он засовывал руки глубоко в карманы, крепко сжимал губы, сопел и говорил: Так-с... Это облако у вас кричит: оно освещено не по-вечернему. Передний план *как-то* сжеван, и *что-то*, понимаете ли, не то... А избушка у вас подавилась *чем-то* и жалобно пищит... надо бы угол этот *потемнее* (как-то. — М. Я.) взять. А в общем *недурственно* (как-то. — М. Я.)... Хвалю» (там же: 12); «Она вдруг почувствовала себя оскорбленной и сказала холодно: Нам нужно расстаться на *некоторое* время, а то от скуки мы можем серьезно посориться. Мне это надоело. Сегодня я уеду» (там же: 20) и др.

НМ, актуализирующие семантику **неполноты**, выражают семантику недостаточности, несоотнесенности участников действия с участниками речевого акта; некую недоговоренность, недосказанность, отраженную в субъективной модальности без идентифицирующих референций, которые не входят в пресуппозицию коммуникантов и автокоммуникантов (ядро семантического микрополя «*как-то*»-«*немножко*»);

4. Семантическое микрополе **неуверенности** выражено НМ:

«— Посмотрите на него: не правда ли, в нем *что-то* есть? — говорила она своим друзьям, кивая на мужа и как бы желая объяснить, почему это она вышла за простого, очень обыкновенного и ничем не замечательного человека» (там же: 7); «Не правда ли, в нем есть *что-то* сильное, могучее, медвежье?» (там же: 8); «Ни одна вечеринка не обходилась без того, чтобы хозяйка не вздрагивала при каждом звонке и не говорила с победным выражением лица: «Это он!», разумея под словом «он» *какую-нибудь* но-

вую приглашенную знаменитость» (там же: 11); «Рябовский схватил себя за голову и прошелся из угла в угол, потом с решительным лицом, как будто желая *что-то кому-то* доказать, надел фуражку, перекинул через плечо ружье и вышел из избы» (там же: 19); «Однажды она сказала Рябовскому про мужа: «Этот человек (кто-то. — М. Я.) гнетет меня своим великодушием!» Эта фраза ей так понравилась, что, встречаясь с художниками, которые знали об ее романе с Рябовским, она всякий раз говорила про мужа, делая энергический жест рукой: «Этот человек гнетет меня своим великодушием!» (там же: 23); «Ольге Ивановне хотелось громко крикнуть, ударить художника по голове *чем-нибудь* тяжелым и уйти, но она ничего не видела сквозь слезы, была подавлена своим стыдом и чувствовала себя уж не Ольгой Ивановной и не художницей (кем-то. — М. Я.), а маленькую козьявкой (кем-то. — М. Я.)» (там же: 25); «Один из докторов нечаянно чему-то засмеялся, и *как-то* странно и робко прозвучал этот смех, даже жутко сделалось» (там же: 29) и др.

Семантическое микрополе **неуверенности** является реперной точкой семантического поля неопределенности всего текста. Ср.: «Не правда ли, в нем (Дымове. — М. Я.) есть *что-то сильное, могучее, медвежье?*» (там же: 8); «Ты один только можешь спасти меня! Завтра будет здесь преоригинальная свадьба, — продолжала она, смеясь и завязывая мужу галстук. — Женится молодой телеграфист на станции, *некто Чикельдеев*. <...> Красивый молодой человек, ну, неглупый, и есть в лице, знаешь, *что-то сильное, медвежье...*» (там же: 14).

В семантическом микрополе **неуверенности** явлена попытка коммуникантов самоидентифицироваться и идентифицироваться в континууме: личность — неличность, реальность — гипотетичность реальности — ирреальность.

Семантика неуверенности реализуется как модальность, как категория отношения связи мира внешних явлений и внутреннего мира человека, как отношение высказывания субъекта к действительности (ядро семантического микрополя неуверенности «*что-то кому-то*»).

НМ «*что-то — кому-то*» является ядром в семантическом поле неопределенности, организуют весь текст, актуализируя семантику неуверенности, неполноты, неясности и неизвестности.

НМ «*что-то*» — «*кто-то*» — «*кому-то*» — «*как-то*»- «*немножко*» — «*где-то*» — «*там*» можно назвать интенсификаторами смысла текста рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья»; интенсификаторы смысла устанавливают имплицитные отношения между элементами художественного текста.

Таким образом, главная героиня «*попрыгунья*» занимается «*чем-нибудь*», пишет «*что-нибудь*», ощущает себя «*не художницей*», а «*козьявкой*», и попадает во «*что-то грязное, липкое*»; окружают ее — муж, в кото-

ром «что-то есть», он — «Сидоров», «Тарасов», «Чикильдеев», «существо» и «этот человек», который «что-то работал»; любовник — «в каком-то сером сюртучке», «некто», пишущий «нечто поразительное»; знакомые — «какие-то доктора», «кто-то», и они «что-то поделявают», находятся «где-то», и в целом жизнь — «где-то там», «в некотором времени» и похожа на «этюд», «*nature morte*».

Представляется, что НМ выполняют функцию не только актуализации семантического выражения неопределенности, но и функцию экономии языковых средств выражения; также являются одновременно формальными маркерами авторского отношения и интерпретаторами его содержания.

Семантика неопределенности, актуализированная НМ, является текстообразующей сущностью, выраженной посредством авторской модальности, позволяет декодировать имплицитные смыслы коммуникативно-прагматической интенции писателя, направленной на моделирование пространства неопределенности как художественного средства воздействия на реципиента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова, Н. Д. (1995) Логический анализ языка: Истина и истинность в контексте разных культур. М.: Языки славянской культуры.

Колесов, В. В. (2006) Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение.

Николаева, Т. М. (1990) Определённости/неопределённости категория // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. М. : Наука. С. 376.

Падучева, Е. В. (1996) Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Изд. 2-е. М.: Языки славянской культуры.

Чехов, А. П. (1977) Попрыгунья // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука. Т. 8. С. 7–31.

Ясинская Милена Борисовна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, политологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: yassinska@gmail.com

Yasinskaya Milena Borisovna, Candidate of Philology, Professor, Department of philosophy, culturology and politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel. +7 (499) 374-55-11. E-mail: yassinska@gmail.com

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изучение сходства и различия значений НМ, имеющих разные аффиксы, зависимость их значений от наличия информации у говорящего (М. В. Ломоносов, Н.И.Греч, Г. П. Павский, И. И. Давыдов, Ф. И. Буслаев).

² Работы А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, А. М. Пешковского.

³ В когнитивном аспекте все русские местоимения делят на две группы: 1) местоимения, которые совмещают функцию указания с функцией обозначения некоторых категорий бытия; 2) местоимения, модифицирующие смыслы, и выражающие категорию определенности/неопределенности (Н. Ю. Шведова).

⁴ В работах Е. М. Галкиной-Федорук, Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой, А. Д. Шмелева и др.

⁵ В работах И. И. Ковтуновой, Н.А. Кожевниковой, Л. А. Горшкова.

⁶ Под ядром семантического микрополя мы понимаем смысло- и текстообразующий фактор художественного пространства текста.